

А

Анатолий Федорович Кони

Николай Алексеевич Некрасов

Кони А. Ф. Воспоминания о писателях.

Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова

Москва, издательство "Правда", 1989.

Редко кто из выдающихся писателей возбуждал при жизни и после смерти столько разноречивых оценок, как Н. А. Некрасов. Рядом с восторженным изображением его, как "печальника горя народного", существуют отзывы о нем, как о тенденциозном стихотворце, в произведениях которого "поэзия и не ночевала", как о лицемере, негодующее слово которого шло вразрез с черствостью его сердца и своекорыстием. Здесь не место разбирать его произведения и доказывать при этом, как односторонни, пристрастны и несправедливы такие взгляды на его творчество и личность. Достаточно указать на задачу, поставленную им всякому общественному деятелю своим заветом: "Иди к униженным, иди к обиженным -- там нужен ты", которому он и сам следовал, будя в читателе негодование на мрачные и жестокие стороны крепостного права, рекрутчины и бюрократического бездушия. Он знакомил так называемое "общество" и городскую молодежь с русским сельским бытом и, хотя и разными с Тургеневым приемами, вызывал в ней сочувствие к простому русскому человеку и веру в жизненность его духовных сил. Нужно ли говорить о красоте, сжатости и выразительности его языка, о богатстве глубоких по содержанию прилагательных, рисующих целые картины, об искусных звукоподражаниях, о ярких образах, щедрою рукою рассыпанных в его произведениях? Можно ли забыть о тяжелых впечатлениях его детства, протекшего "среди буйных дикарей", под звон цепей каторжников, проходивших "по Владимирке", и унылое пение бурлаков на Волге, и в частых горьких слезах, разделяемых им со страдальцей матерью, воспетой им с такой захватывающей скорбью?

Все это не входит, однако, в задачу настоящего очерка: хочется поделиться с читателями простыми личными воспоминаниями, касающимися Некрасова.

Еще в раннем детстве, когда ни о каком знакомстве моем с поэзией Некрасова не могло быть и речи, да она и не успела еще развернуться во всю свою ширь, я уже интересовался им по рассказам своего отца, издателя-редактора "Литературной газеты" в 1840--1841 годах и "Пантеона и репертуара" с 1843 почти вплоть по 1851 год, когда последний журнал был переименован в "Пантеон" и очень расширил свою литературно-художественную программу. Время издания "Литературной газеты" совпало с годами тяжелых испытаний и крайних лишений в жизни Некрасова. Ему приходилось очень бедствовать, подчас подолгу голодать и на себе испытывать ту нищету, неприютность и неуверенность в завтрашнем дне, которые отразились на содержании многих его стихотворений. Он, очевидно, знал по личному опыту, как тяжело проживание в петербургских углах, описанных им в одном из сборников, им изданных. Существовать приходилось изо дня в день составлением книжек для мелких издателей-торгашей и торопливым писанием на заказанные темы о чем придется и как придется. В этот период его жизни с ним познакомился редактор "Литературной газеты" и предложил ему в своем издании хороший по тогдашним временам заработок, ценя молодого писателя, давая ему иногда по целым неделям приют у себя и оберегая его от возвращения к привычкам бродячей и бездомной жизни.

В письме из Ярославля от 16 августа 1841 г., по поводу какого-то недоразумения, вызванного сплетнями одного из "добрых приятелей" Некрасова, он писал моему отцу: "Неужели Вы почитаете меня до такой степени испорченным и низким... Я помню, *что* был я назад два года, как я жил... я понимаю теперь, мог ли бы я выкарабкаться из сору и грязи без помощи вашей. ...Я не стыжусь признаться, что всем обязан Вам: иначе бы я не написал этих строк, которые навсегда могли бы остаться для меня уликою". Большая часть работ Некрасова в "Литературной газете" была подписана псевдонимом "Перепельский". Себя и редактора он изобразил в "Водевильных сценах из журнальной жизни" под именем Пельского и Семячко и вложил в уста последнего следующее *profession de foi* {"Символ веры" (*букв.*), изложение своих убеждений (*фр.*).} по поводу приемов тогдашней газетной травли, руководимой знаменитым в своем роде Булгариным: "Я литератор, а не торговка с рынка. Я ... не намерен ... пятнать страницы моей газеты тою ржавчиною литературы, которую желал бы смыть кровью и слезами". Когда Некрасов вышел на широкую литературную дорогу, его добрые отношения с моим отцом продолжались, хотя видались они довольно редко.

В первый раз мне пришлось его увидеть в конце пятидесятых годов на Невском, при встрече его с моим отцом. Я жадно всматривался в его желтоватое лицо и усталые глаза и вслушивался в его глухой голос: в это время имя его говорило мне уже очень многое. В короткой беседе разговор -- почему уже, не помню -- коснулся исторических исследований об Иване Грозном и о его царствовании, как благодарном